

Л.А. Шашок

Роль Афганистана во внешней политике Китая: баланс между экономическими интересами и угрозами безопасности

Аннотация. В статье проведен анализ приоритетов политики КНР в отношении Афганистана в контексте угроз национальной безопасности КНР, связанных с терроризмом и сепаратизмом, а также в рамках реализации инициативы «Пояс и путь». Статья ставит задачей выявление ключевых вызовов для Китая со стороны афганского направления и оценку инструментария, используемого Пекином для их нейтрализации. Исследование основано на анализе ключевого программного документа «Позиция Китая по афганскому вопросу», а также на изучении заявлений официальных лиц и оценок экспертного сообщества. Применены методы системного и контент-анализа, а также сравнительно-политический подход для рассмотрения многоуровневого взаимодействия КНР с афганскими властями и региональными акторами. Установлено, что политика Китая в Афганистане носит двойственный характер, балансируя между официальной риторикой о невмешательстве и практикой активного «хеджирования рисков». Особое внимание уделяется противоречию между декларируемым принципом невмешательства и практикой наращивания силового и экономического присутствия для пресечения трансграничных угроз.

Ключевые слова: Китай, Афганистан, национальная безопасность, Синьцзян, «Исламское движение Восточного Туркестана»¹, терроризм, инициатива «Пояс и путь», Шанхайская организация сотрудничества.

Автор: Шашок Лариса Александровна, научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0002-2397-9579.
E-mail: shashok@iccaras.ru

Larisa A. Shashok

Afghanistan's Role in China's Foreign Policy: Balance Between Economic Interests and Security Threats

Abstract. This article analyzes China's policy priorities toward Afghanistan in the context of threats to China's national security related to terrorism and separatism, as well as within the framework of the Belt and Road Initiative. The article aims to identify the key challenges facing China posed by Afghanistan and assess the tools Beijing uses to address them. The study is based on an analysis of the key policy document, "China's Position on the Afghan Issue," as well as on statements by officials and expert assessments. Systems and content analysis, as well as a comparative political approach, are applied to examine China's multi-layered interactions with the Afghan authorities and regional actors. It is established that China's policy in Afghanistan is dualistic, balancing between official rhetoric of non-interference and the practice of active "risk hed-

¹ Признано экстремистским и запрещено в РФ.

ging.” Particular attention is paid to the contradiction between the declared principle of non-interference and the practice of increasing its military and economic presence to counter cross-border threats.

Keywords: China, Afghanistan, national security, Xinjiang, East Turkestan Islamic Movement, terrorism, Belt and Road Initiative, Shanghai Cooperation Organization.

Author: *Shashok, Larisa A.*, researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-2397-9579.

E-mail: shashok@iccaras.ru

Введение в проблему современных китайско-афганских отношений

Возвращение движения «Талибан» к власти в Афганистане в августе 2021 г. стало событием, кардинально изменившим баланс сил в Центральной Азии (ЦА) и поставившим новые вызовы перед региональными игроками, а также «великими державами» (США, Россия и Китай), рассматривающими данный регион как зону своих внешнеэкономических интересов [Конкуренция между США и КНР...]. В связи с этим политическое руководство Китайской Народной Республики (КНР) уделяет пристальное внимание развитию отношений с новым правительством Афганистана [Zhōngguó tóng āfùhàn...]. Данное обстоятельство обусловлено насущной потребностью развивать китайские экономические проекты, например инициативу «Пояс и путь» («一帶一路» 倡议)¹, дополнительные маршруты, способные диверсифицировать поставки китайских товаров через страны ЦА на Ближний Восток, а затем и в Европу [Современная идеология КНР...]. Однако возможности китайских компаний по транспортировке грузов через территорию Афганистана осложняются нестабильной обстановкой, которая на протяжении нескольких лет принципиально не меняется в лучшую сторону [«Новая холодная война» в Азии...].

В этом контексте у руководства КНР усиливается настороженность по поводу факторов, способных негативно повлиять на устойчивость обстановки в регионе. В первую очередь речь идет об усилении активности террористических и экстремистских организаций на территории Афганистана² и стран Ближнего Востока. В частности, выходцев из государств Центральной Азии, воюющих в Сирии, Ираке и других странах ближневосточного региона на стороне «Исламского государства»³ (ИГИЛ) Пекин рассматривает в качестве обученного и имеющего опыт ведения военных действий резерва для формирования экстремистских организаций.

Война в Афганистане, начатая США в октябре 2001 г. в ответ на теракты 11 сентября, открыла две новые группы проблем для стратегии Пекина в про-

¹ Для того, чтобы сделать статью максимально полезной читателям, в том числе и тем, кто знает или изучает китайский язык, специфические китайские термины, географические названия, и имена при первом их появлении в тексте сопровождаются иероглифической записью в упрощенном написании, принятом в КНР.

² В Китае в первую очередь к ним относят запрещенные в России террористические группировки «Исламское государство» (ИГИЛ), и «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ), а также «Исламское движение Восточного Туркестана» (ИДВТ).

³ Признано террористической организацией и запрещено в РФ.

движении на Запад: присутствие американских войск прямо на границе с Китаем и новые возможности для уйгурских боевиков, использующих связи с «Аль-Каидой»¹ и «Талибаном» для перемещения между СУАР, Пакистаном и Афганистаном.

Наряду с этим распространение сепаратистских установок среди уйгурского населения в отдельных случаях приобретает крайне экстремистские формы вплоть до террористической деятельности. Существенным фактором усиления сепаратистских тенденций в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) стала радикализация части уйгурской мусульманской общины, в том числе обусловленная проникновением радикальных идеологических установок из Афганистана и Пакистана [The CIA World Factbook...].

Китай поддерживает международное сообщество в укреплении контактов и обменах с правительством движения «Талибан», повышении взаимопонимания и доверия, поиске эффективных решений проблем всех сторон, а также призывает талибов принять меры по защите основных прав женщин и девочек. В вопросе борьбы с терроризмом Китай решительно выступает против двойных стандартов и избирательного правоприменения, против манипулирования вопросами борьбы с терроризмом в целях геополитической стратегии и стремится играть активную роль в международном сотрудничестве по противодействию террористической угрозе.

Китайские взгляды на Афганистан в документах стратегического планирования

С точки зрения китайской стороны, сохраняющаяся нестабильность в Афганистане способствует формированию дополнительных рисков для национальной безопасности КНР. Указанные угрозы связаны прежде всего с возможным распространением на западные районы Китая, в первую очередь на территорию СУАР, таких дестабилизирующих факторов, как терроризм, сепаратизм и религиозный экстремизм. При дальнейшем ухудшении военно-политической и социальной обстановки в Афганистане возрастает вероятность негативного воздействия на внутривнутриполитические процессы в Китае, включая риск обострения межэтнических противоречий. Китайское руководство связывает подобные опасения с сохранением в афганском обществе комплекса глубоких и трудноразрешимых внутренних противоречий, а также с хроническими социально-экономическими проблемами страны.

Несмотря на непубличный характер, в КНР периодически выпускаются документы политического и политико-военного содержания (например, Белые книги по национальной обороне, так называемые 白皮书), в которых изложено видение китайского руководства на отдельно взятый насущный вопрос. В связи с этим представляется возможным обратиться к данным изданиям для выявления афганских угроз для Китая (табл. 1).

¹ Признана террористической организацией и запрещена в РФ.

Таблица 1. Исходящие от Афганистана угрозы национальной безопасности КНР, отмеченные в Белых книгах по национальной обороне с 1998 по 2025 гг.¹

Год	Нестабильность в Афганистане	Нестабильность в Южной Азии	Стремление СУАР и Тибета к независимости	Усиление союзников США
1998	—	+	—	—
2000	—	—	—	+
2002	+	+	—	+
2004	—	—	—	+
2006	+	—	—	+
2008	—	—	+	+
2010	+	—	+	+
2013	—	—	+	+
2015	—	—	+ ²	+
2017	—	—	+	+
2019	—	—	+	+
2025	—	—	—	+

Как видно из содержания табл. 1, Белые книги по национальной обороне сфокусированы на изложении общих стратегических концепций, внутренних принципов и глобальных инициатив Китая. Примечательно, что с 2010 г. в текстах «Белых книг...» начали пропадать конкретные страны, включая Афганистан. Однако отсутствие упоминаний в «Белых книгах...» не означает, что Афганистан не важен для Китая. Напротив, в 2025 г. Пекин активно участвовал в афганских делах по дипломатическим каналам.

Для полного понимания состояния китайско-афганских отношений важно отметить, что наиболее полная и соответствующая современной обстановке позиция Китая по Афганистану излагается не в Белых книгах по обороне, а в отдельных внешнеполитических документах. Например, в 2023 г. МИД КНР опубликовал отдельный документ, детально излагающий политику из 11 пунктов в отношении Афганистана. Так, китайские взгляды на взаимодействие с Афганистаном отражены в документе «Позиция Китая по афганскому вопросу» (关于阿富汗问题的中国立场), где отмечено, что «дружба между двумя народами имеет долгую историю» [Guānyú āfūhàn wèntí...]. Анализ содержания документа

¹ Составлено на основе Белых книг по национальной обороне КНР 1998—2025 гг.

² В Белой книге Китая по обороне (2015 г.) отмечается, что «национальная безопасность и обеспечение социальной стабильности сталкиваются со многими сложными проблемами, такими как серьезная угроза сепаратизма «Восточного Туркестана». В особенности это касается эскалации террористических угроз в СУАР, подготовки антикитайскими силами планов по осуществлению «цветной революции».

демонстрирует, что в текущих условиях КНР выстраивает свою позицию по афганскому вопросу по нескольким ключевым направлениям¹.

1. Следование принципам «трех уважений» («三个尊重») и «трех никогда» («三个从不») является основой подхода Китая к Афганистану. КНР проявляет уважение к независимости, суверенитету и территориальной целостности Афганистана; признает право афганского народа самостоятельно определять свою внутреннюю политику; учитывает религиозные традиции и этнические обычаи страны.

2. Содействие установлению умеренной и стабильной системы управления в Афганистане. Китай выражает заинтересованность в том, чтобы Афганистан создал открытую и инклюзивную политическую структуру, проводил сбалансированную и предсказуемую внутреннюю и внешнюю политику и поддерживал дружеские отношения со всеми государствами, в первую очередь с соседними странами.

3. Содействие мирному восстановлению Афганистана. Китай намерен продолжать предоставлять помощь в восстановлении и развитии страны в пределах своих возможностей, поддерживать Афганистан в выполнении всех обязательств по получению помощи, а также последовательно развивать экономическое, торговое и инвестиционное сотрудничество. Кроме того, КНР приветствует участие Афганистана в инициативе «Пояс и путь» и поддерживает его интеграцию в региональные экономические процессы, что способствует трансформации страны из состояния «не имеющей выхода к морю» («陆锁国») в «связанную сухопутными маршрутами» («陆联国»).

4. Содействие решительной и эффективной борьбе Афганистана с терроризмом. Безопасность является фундаментом и необходимым условием для устойчивого развития. «Исламское движение Восточного Туркестана» (ИДВТ) («东伊运») признано террористической организацией Советом Безопасности ООН и не имеет юридического признания со стороны китайского правительства. Укрепление позиций ИДВТ на территории Афганистана создает серьезную угрозу безопасности как для КНР, так и для самой страны и региона в целом.

5. Стимулирование двустороннего и многостороннего сотрудничества в борьбе с терроризмом. Учитывая серьезные угрозы безопасности, связанные с террористической деятельностью в Афганистане, всевозможная поддержка должна сопровождаться комплексными мероприятиями, направленными на устранение как очевидных проявлений, так и глубоких причин терроризма.

6. Принятие совместных усилий по противодействию «трем зловредным силам» («三股势力») в Афганистане. Под этим термином понимаются терроризм, сепаратизм и экстремизм — угрозы, исходящие с территории Афганистана и представляющие серьезный вызов региональной и глобальной безопасности. Дополнительное внимание уделяется борьбе с молодежным экстремизмом, распространением радикальной идеологии и ликвидации скрытых террористических структур и их убежищ.

¹ Автор приводит положения документа в реферативной форме. Терминология китайского политического дискурса приведена в скобках.

7. Призыв к выполнению США обязательств в отношении Афганистана. Международное сообщество в целом считает, что США, выступавшие инициаторами сложившейся в Афганистане ситуации, должны вернуть замороженные афганские активы и выполнить свои обязательства по оказанию гуманитарной помощи, обеспечивая ее целевое использование для удовлетворения насущных потребностей афганского народа.

8. Противодействие вмешательству и проникновению внешних сил. Согласно мнению ряда стран региона, военные операции и «демократические реформы» («民主改造»), осуществленные внешними силами в Афганистане за последние два десятилетия, нанесли значительные человеческие потери, последствия которых будут ощущаться еще долгие годы. В интересах достижения устойчивого мира и стабильности, соответствующие государства не должны размещать военные объекты на территории Афганистана и прилегающих регионов, использовать двойные стандарты в борьбе с терроризмом.

9. Усиление международной и региональной координации по афганскому вопросу. В новых условиях Афганистан следует рассматривать как платформу для сотрудничества между всеми сторонами, а не как арену геополитической конкуренции (地缘博弈的场所). Китай поддерживает любые меры, способствующие продвижению политического урегулирования в Афганистане, и продолжит активное участие в многосторонней координации через механизмы и платформы, включая встречи министров иностранных дел соседних стран, контактную группу ШОС с Афганистаном (上海合作组织—阿富汗联络组), консультации в «Московском формате» («莫斯科模式»磋商), трехсторонние диалоги между Китаем, Афганистаном и Пакистаном (中阿巴(基斯坦)三方外长对话), неформальные встречи министров иностранных дел Китая, России, Пакистана и Ирана (中俄巴伊(朗)四国外长阿富汗问题非正式会议), консультации формата «Китай—США—Россия +» («中美俄+»磋商) и работу через ООН с целью формирования международного и регионального консенсуса для стабилизации и оказания помощи Афганистану.

10. Поддержка решения гуманитарных вопросов и проблемы беженцев. Китай выражает обеспокоенность положением афганских беженцев и намерен продолжать предоставлять помощь посредством двусторонних и многосторонних каналов. КНР поддерживает активную роль соответствующих структур ООН, высоко оценивает усилия региональных государств и призывает международное сообщество продолжать предоставлять Афганистану гуманитарную помощь и поддержку в целях развития.

11. Содействие борьбе с наркотрафиком. Китай рассчитывает на принятие Афганистаном более прагматичных мер по борьбе с культивацией, производством и незаконным оборотом наркотиков. КНР готова сотрудничать с международным сообществом для развития альтернативных методов сельскохозяйственного производства, противодействия транснациональной наркопреступности и совместного устранения источников наркотиков в регионе.

Таким образом, в представленных документах стратегического планирования прослеживается единая позиция Китая в отношении урегулирования афганского вопроса. Подобно ранее опубликованной позиции Китая по политическому урегулированию украинского кризиса (关于政治解决乌克兰危机的中国立场), под-

ход Пекина к Афганистану отражает образ ответственного государства, активно участвующего в решении глобальных и региональных проблем. Кроме того, документ демонстрирует приверженность КНР комплексной концепции безопасности, учитывающей глобальные и исторические изменения [«Sān gè zūnzhòng» shì zhōngguó...].

Китайская экономическая помощь Афганистану

В 2024 г. товарооборот между Китаем и Афганистаном достиг 1,59 млрд долл., увеличившись на 19 % по сравнению с предыдущим годом. Китайские предприятия заключили новые инженерные контракты в Афганистане на сумму 6,89 млн долл., что на 65,5 % больше, чем годом ранее; выручка по завершённым контрактам составила 18,13 млн долл., увеличившись на 529 % по сравнению с предыдущим годом. С 1 декабря 2024 г. КНР предоставила Афганистану нулевой тарифный режим по 100 % его тарифных позиций [Zhōngguó tóng āfùhàn...].

КНР активно участвовала в усилиях по установлению мира и восстановлению Афганистана, оказывая помощь в строительстве ряда проектов, направленных на обеспечение средств к существованию, включая ирригационный проект «Парван» и больницу в Кабуле. По двусторонним и многосторонним каналам Китай подготовил более 2000 специалистов различных областей для Афганистана. С момента прихода к власти талибов в августе 2021 г. КНР предоставила Афганистану экстренную гуманитарную помощь на сумму более 510 млн юаней (73,8 млн долл.) [Там же...].

Китайские компании, занятые в сфере добычи полезных ископаемых, проявляют интерес к тем экономическим перспективам, которые потенциально может открыть для них Афганистан в условиях устойчивой безопасности и политической стабильности. Как известно, минерально-сырьевая база страны включает значительные запасы меди, кобальта, лития и других редкоземельных элементов, совокупная стоимость которых оценивается приблизительно в 1 трлн долл. Вместе с тем вопрос о степени устойчивости афганского государства в долгосрочной перспективе при власти движения «Талибан» остается неопределённым.

Инфраструктурные проекты, реализуемые в рамках инициативы «Пояс и путь» (ИПП), неоднократно становились объектами целенаправленных нападений со стороны боевиков и оказывались вовлечены в локальные вооружённые столкновения, в том числе на территории Пакистана. В период 2023—2025 гг. было зафиксировано существенное увеличение числа подобных инцидентов. После смягчения регулирования в сфере частных охранных услуг в КНР ряд китайских частных охранных компаний начал осуществлять деятельность за рубежом, при этом часть из них специализируется на обеспечении безопасности китайских граждан и инфраструктурных объектов, связанных с реализацией проектов ИПП. Отмечается, что китайское государство на протяжении последних лет активизирует экономическую поддержку охранной деятельности своих компаний в данном регионе [Zhōngdōng běifēi dìqū...].

Вызовы и угрозы Китаю со стороны Афганистана

В сложившейся обстановке КНР исходит из необходимости выстраивания взаимодействия с Афганистаном как в двустороннем, так и в многостороннем форматах. При этом в последние годы прослеживается тенденция к постепенному усилению роли Пекина в процессах, связанных с афганским урегулированием. В качестве ключевого условия стабилизации ситуации в регионе китайское руководство рассматривает снижение уровня напряженности в отношениях между Кабулом и Исламабадом. В этой связи КНР придает особое значение стимулированию афгано-пакистанского диалога, в том числе в рамках Четырехсторонней координационной группы (КНР—США—Афганистан—Пакистан), а также посредством привлечения уже существующих механизмов взаимодействия, включая консультации министров иностранных дел Китая, Афганистана и Пакистана, афгано-пакистанский механизм кризисного управления и встречи двусторонних экспертных рабочих групп.

Одновременно в КНР считают, что стабилизировать обстановку в Афганистане невозможно без кардинального улучшения социально-экономической ситуации в стране. В связи с этим китайское руководство проявляет готовность к долгосрочному инвестированию в добывающий сектор, энергетику, капитальное строительство, транспортную инфраструктуру и сельское хозяйство Афганистана, что идет в русле инициативы ИПП. В интересах реализации указанных планов Китай рассчитывает увеличивать объемы предоставляемой Кабулу финансовой помощи. В то же время, невзирая на предпринимаемые КНР усилия, экономическое сотрудничество между Китаем и Афганистаном, хотя и характеризуется постепенным развитием, по-прежнему заметно отстает по своему масштабу и интенсивности от уровня двустороннего политического взаимодействия [Guānyú āfùhàn wèntí...].

Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о том, что на современном этапе афганская стратегия Китая в значительной степени ориентирована на минимизацию и «хеджирование» угроз безопасности, формирующихся на территории Афганистана. Все большую обеспокоенность китайского руководства вызывает возможное воздействие сохраняющейся нестабильности в этой стране на ситуацию в государствах Центральной Азии и в Пакистане. В этих условиях КНР, по всей видимости, продолжит избегать прямого и активного участия в процессах афганского политического урегулирования, сосредоточивая усилия на обеспечении собственных интересов, в том числе посредством привлечения частных охранных компаний в качестве одного из инструментов реализации данной линии.

Выводы

В целом участие Китая в урегулировании нестабильной обстановки в Афганистане рассматривается Пекином как инструмент расширения своего присутствия и влияния в Центральной Азии, а также как средство защиты собственных национальных интересов в регионе. В качестве одного из приоритетных направ-

лений взаимодействия с государствами ЦА в Китае выделяется развитие сотрудничества в сфере региональной безопасности и борьбы с терроризмом. Подобная деятельность оценивается китайским руководством как ключевое условие поддержания внутривнутриполитической стабильности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР.

Таким образом, руководство Китая в целях сохранения стабильности внутривнутриполитической обстановки в СУАР проводит целенаправленную работу по различным направлениям для смягчения внутренних противоречий: укрепляет правоохранительные органы и силы безопасности в регионе, мобилизует партийные организации для активизации идейно-политической работы, проводит корректировку программы занятости населения, создает современную систему социального обеспечения. Характер и темпы осуществления вышеуказанных мер свидетельствуют о наличии у руководства страны вполне определенного понимания долгосрочных стратегических целей развития и методов их реализации. Однако, как показывает практика, это не означает, что намеченные планы будут реализованы в полной мере, по крайней мере, в запланированные сроки.

Библиографический список

«Новая холодная война» в Азии. Глобальное и региональное измерение / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2025. 285 с.

Конкуренция между США и КНР: возможности для России / Е.Н. Грачиков, В.А. Данилов, Д.А. Дегтерев [и др.]. М.: Аспект Пресс, 2024. 300 с.

Современная идеология КНР. Идеи Си Цзиньпина как основа политики Китая / под ред. К.В. Бабаева. М.: ИКСА РАН, 2025. 324 с.

The CIA World Factbook 2024—2025. Skyhorse Publishing. p. 3026.

Zhōngguó tóng āfùhàn shuāngbiān guānxì 中国同阿富汗双边关系 [China-Afghanistan bilateral relations]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676207/sbgx_676211/ (accessed: 30.01.2026). (In Chinese).

Guānyú āfùhàn wèntí de zhōngguó diànzǐ shāngwù píngtái 关于阿富汗问题的中国立场 [China's position on the Afghan issue]. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202304/t20230412_11057782.shtml (accessed: 30.01.2026). (In Chinese).

«Sān gè zūnzhòng» shì zhōngguó duì āfùhàn wèntí lichǎng de guānjiàn «三个尊重»是中国对阿富汗问题立场的关键 [The «three respects» are key to China's stance on the Afghan issue]. URL: http://www.china.com.cn/opinion2020/2023-04/15/content_85231027.shtml (accessed: 30.01.2026). (In Chinese).

Zhōngdōng běifēi dìqū de zhōngguó huòyùn gōngsī: Yī yīlākè hé (nán) sūdān wéi lì 中东北非地区的中国私营安保公司：以伊拉克和（南）苏丹为例 [Chinese private security companies in the Middle East and North Africa: Iraq and (South) Sudan as examples]. URL: <https://mideast.shisu.edu.cn/d2/fa/c16429a185082/page.htm> (accessed: 30.01.2026). (In Chinese).

References

Competition between the United States and China: Opportunities for Russia / E.N. Grachikov, V.A. Danilov, D.A. Degterev [et al.]. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2024. 300 p. (In Russian).

Guānyú āfùhàn wèntí de zhōngguó diànzǐ shāngwù píngtái 关于阿富汗问题的中国立场 [China's position on the Afghan issue]. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202304/t20230412_11057782.shtml (accessed: 30.01.2026). (In Chinese).

Modern Ideology of the PRC. Xi Jinping's Ideas as the Basis of China's Policy / edited by K.V. Babaev. Moscow: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, 2025. 324 p. (In Russian).

New Cold War» in Asia. Global and Regional Dimension / Ed. by D. V. Streltsov. M.: Aspect Press Publishing House, 2025. 285 p. (In Russian).

«Sān gè zūnzhòng» shì zhōngguó duì āfùhàn wèntí lichǎng de guānjiàn «三个尊重»是中国对阿富汗问题立场的关键 [The «three respects» are key to China's stance on the Afghan issue]. URL: http://www.china.com.cn/opinion2020/2023-04/15/content_85231027.shtml (accessed: 30.01.2026). (In Chinese).

The CIA World Factbook 2024—2025. Skyhorse Publishing. p. 3026.

Zhōngdōng běifēi dìqū de zhōngguó huòyùn gōngsī: Yì yīlākè hé (nán) sūdān wéi lì 中东北非地区的中国私营安保公司：以伊拉克和（南）苏丹为例 [Chinese private security companies in the Middle East and North Africa: Iraq and (South) Sudan as examples]. URL: <https://mideast.shisu.edu.cn/d2/fa/c16429a185082/page.htm> (accessed: 30.01.2026). (In Chinese).

Zhōngguó tóng āfùhàn shuāngbiān guānxì 中国同阿富汗双边关系 [China-Afghanistan bilateral relations]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676207/sbgx_676211/ (accessed: 30.01.2026). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 12.02.2026.
Принята к публикации: 25.03.2026.

Received: 12 February 2025.
Accepted: 25 March 2025.